

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Александр ТАМОНИКОВ

СМЕРЬ

**Пуля
для карателя**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Пуля для карателя / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-205611-6

Лето 1944 года. Варшавское восстание тонет в крови. Головорезы СС и их приспешники беспощадно расправляются с бойцами народной армии и мирным населением. Посланная спасти руководителей подполья группа советских разведчиков погибает при невыясненных обстоятельствах. Майор СМЕРШ Иван Таврин расследует это происшествие и приходит к неожиданному заключению: группу уничтожил... ее руководитель, не вернувшийся из рейда. Теперь дело чести майора — не только выполнить задание погибших разведчиков, но и разыскать предателя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-205611-6

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Немцы в атаку валили толпой — возбужденные, нервные, с мучнистыми от страха лицами. Это было что-то новенькое, явно перенятое у советских солдат образца лета 41-го. Отчаявшиеся, потерявшие последние моральные ориентиры в этой безумной мясорубке. Они бежали плотно, стреляли из автоматов МР-40 и карабинов «Маузер» — все в одном флаконе: офицеры, рядовые, низовой командный состав. «Мышиная» униформа фельдграу солдат вермахта, петлицы артиллеристов, инженерно-саперных частей, руны «зиг» военнослужащих Ваффен-отрядов СС, петлицы с перекрещенными карабинами — отличительный знак коллаборационистов. Красноармейцы, прильнувшие к прицелам, недоуменно переглядывались. Не тот пошел немец — упростился, измельчал. Раньше берегли себя, в атаке ходили поодиночке, перебежками, прятались за танками и бронетранспортерами — а перед этим перепахивали советские позиции с помощью орудий и минометов...

Сегодня не было артиллерийской подготовки. Человек шестьсот вырвались из леса и устреми-

лись на прорыв. Вечер 2 сентября 1944 года, северо-восточные предместья Варшавы — правобережная часть. Слева — дома с облезлыми черепичными крышами, справа овраги, молодые дубравы. Все смешалось на городских окраинах. Красная армия вошла на отдельные улицы, но далеко не продвинулась. Немцы ожесточенно контратаковали, вводили в бой последние резервы. Мобильные танковые группы отсекали оторвавшихся от основных сил красноармейцев, сносили дома, где они занимали оборону. Сил для наступления уже не оставалось, войска переходили к обороне. Линия фронта на правом берегу Вислы менялась каждый день. Часть варшавского района Прага отбили у немцев — впрочем, незначительную, на основных улицах немцы закрепились и никуда не собирались уходить. Несколько потрепанных подразделений оказались заперты вблизи восточных предместий, у местечка Звановичи, и предприняли отчаянную попытку вырваться. До позиций немцев на западе — рукой подать, но там иссякли силы. А у советского командования не было ресурсов, чтобы сжать кольцо и добить окруженцев. Атака была внезапной, дерзкой. Складки местности и густая растительность позволили немцам приблизиться незаметно. И теперь они спешили преодолеть открытый участок. Но рота красноармейцев, усиленная взводом станковых пулеметов, не дремала. Раз-

ведка доложила о вероятных происках противника. И все же немцы удивили. Солдаты бежали, как на стометровом кроссе. Кто-то спотыкался, другие перепрыгивали через упавших, заполняли образовавшиеся пустоты. Вырвались вперед несколько человек, бросили гранаты. Взрывы прогремели перед бруствером, повалили бревна наката, не причинив существенного вреда.

— Не стрелять! — кричал командир роты капитан Милютин. — Не стрелять, кому сказано! Пусть поближе подойдут!

У многих не выдерживали нервы, открывали огонь. Разрозненно хлопали карабины. Но пулеметы на флангах пока помалкивали. Катилась, гремя и сквернословя, человеческая масса. Все, иссякло терпение, завелся трелью станковый пулемет. Вступили остальные элементы «оркестра» — затрещали карабины и автоматы ППШ. Ливень свинца смел первую волну, разбросал по трещинам и бугоркам. Словно подавился полный гауптман, машущий «Вальтером», — побагровел, когда потекло из живота, хлопнулся лицом в траву. Живые по инерции продолжали бег, перепрыгивали через мертвых. До траншеи, растянувшейся по возвышению, оставалось метров тридцать. Окопы рыли впопыхах — никто не собирался сидеть здесь годами. Позиция удобная, с высоты открывался вид на окрестности. Подножие высоты усеяли тела в «мышинной» фор-

ме. «Навалили кучу дерьма!» — злобно смеялись из окопов красноармейцы. Самые упорные продолжали рваться, а те, что не спешили умирать, залегали за трупами, вели огонь из укрытий. Раскалились кожуха пулеметов, кашляла боевая техника, глохла. Солдаты выбрасывали гранаты из окопов. Немцы лезли, не считаясь с потерями. Из десятка до окопов добежали двое. И те, и другие швыряли гранаты, позиции заволокло густым дымом. Бойцы капитана Милютин тоже несли потери. Захлебывались пулеметы на флангах. Справа в траншее уже давились в рукопашной, били кулаками, прикладами, саперными лопатками. Мелькали закопченные оскаленные лица. На помощь дрогнувшей пехоте Милютин ввел резерв — последнее отделение автоматчиков с ППШ. Они подтягивались с обратной стороны траншеи, резали свинцом тех, кто выбежал за «флажки». Бойцы воспрянули, стали теснить фашистов из окопов. Противник выдохся, у него кончались боеприпасы и моральный дух.

— За мной, сибиряки! — взревел капитан Милютин, уроженец далекой забайкальской деревни. — Добьем гада!

Бойцы выбирались из окопов, мчались вниз, крича что-то, отдаленно смахивающее на «Ура!». Немцы многих потеряли, но все равно их было больше. Впрочем, численное превосходство уже не играло роли. Деморализованные, исчерпав-

шие все возможности, они недолго оказывали сопротивление. Пустились наутек, спотыкаясь о трупы своих сослуживцев. «Смотри, мужики, как чешут! — смеялись им в спины красноармейцы. — Мы так быстро бегать не умеем!» Побитое войско терялось в складках местности, растворялось в лесу. Остались мертвые и раненые, многих из которых бойцы непринужденно добивали — не те условия, чтобы коллекционировать пленных. Сами потеряли многих — и это ожесточало. Солдаты возвращались в окопы, показывая кулаки притихшему лесу, волокли раненых. Стонал подстреленный в бок капитан Милютин, покрывался смертельной бледностью. Солдаты рвали на нем гимнастерку, прикладывали к ране скотканные бинты. Санинструктор роты погиб. Покрикивали выжившие командиры взводов, крыли матом провинившихся пулеметчиков. Поредевшая рота снова занимала оборону.

Из батальона прибыли две девушки-санитарки, подъехала полуторка с красным крестом. Раненых стаскивали к дороге. Многие по прибытии уже не шевелились — скончались от потери крови. Монотонно матерился какой-то боец, умолял «брата Петруху» открыть глаза. Почему именно сегодня? Вроде и денек отменный, и по Европе шагаем, а не где-нибудь по Смоленщине с Брянщиной... Шустрые девчонки на скорую руку перевязывали раненых, передавали их сол-

датам, те грузили пострадавших в машину. Капитану Милютину оказали первую помощь, но тщетно, офицер затих после недолгой агонии, и горько расплакалась девчужка с лычками ефрейтора — возможно, у них что-то было...

От второй попытки немцы отказались. Сдаваться тоже не спешили, видимо, надеялись, что 19-я танковая дивизия в недалеком будущем осуществит контрудар «возмездия» и с триумфом вызволит из «котла». Но упомянутая дивизия завязла в позиционных боях. Трупы гитлеровцев после боя никто не считал — их было не меньше сотни. Рота автоматчиков потеряла полтора десятка убитыми и столько же ранеными. Потери тоже чувствительные, учитывая хронический недокомплект. Поскрипывали телеги, фыркали лошади — на подводах подтянулась похоронная команда, «погребальщики», как их называли в войсках. Работа у этой публики никогда не переводилась. В отличие от первых лет войны, науку освоили — обходились почти без задержек и извечного российского бардака. Впрочем, все зависело от числа потерь и наличия специальных команд. Неразговорчивые, с мрачными лицами, одетые в передники и резиновые перчатки, они перелезали с носилками через живых и брели к трупам. Автоматчики молча наблюдали, нервно выпускали дым махорки. «Погребальщики» извлекали из карманов убитых солдатские книжки,

фотографии, письма с родины, черные пластмассовые медальоны (так называемые «смертники») с информацией о погибших. Снимали с людей часы, медали, нательные крестики, набивали этим добром вещмешки. Мародерство практически изжили (расстрелы — неплохое воспитательное средство), личные вещи погибших относили старшему команды. Убитых по двое укладывали на плащ-палатки и забрасывали на подводы. По мере заполнения подводы увозили трупы — к местам захоронения, определенным командованием. Потом вышла заминка — «погребальщики» роптали, в их планы не входило избавляться от немецких трупов. «И куда вы столько настреляли, мужики? — бурчали они. — Нам же неделю таскать не перетаскать, а мы на это подписывались?» Солдаты из окопов огрызались, крыли матом похоронную команду. В боях не участвуют, еще и недовольны. Проблема решилась просто — с помощью рации в блиндаже погибшего Милютина. Под грохот отдаленной канонады прибыли два трофейных трехтонных «Мерседеса», и шумливые красноармейцы стали стряхивать с них пленных солдат подразделения Ваффен-СС. Подобную публику обычно в плен не брали, но в этот раз что-то пошло не так — взяли. Возможно, за неимением других кандидатур. Оборванные, избитые, с запекшейся кровью на лицах, они с глухой ненавистью поглядывали на своих

противников. От былого лоска не осталось и следа. Мундиры висели мешками, многие шлепали босиком. Под зычные крики пленные эсэсовцы стаскивали к придорожной канаве тела соотечественников, полностью заполняли ее, потом забрасывали землей...

— Толку от таких захоронений... — ворчал младший лейтенант, командир взвода, еще не свыкшийся с мыслью, что остался жив (на подобных должностях больше двух боев не живут, а у него уже третий). — Чуть присыпят — и все. Потом стервятники слетятся, разворошат это добро, такая зараза пойдет...

— А это, товарищ Максимов, пусть у польских товарищей голова болит, — ухмылялся замполит Стадников. — Наше дело маленькое — накосить побольше. А потом уж пусть перезахоранивают, сжигают, если есть нужда...

— Зато оперативно стали работать... — пробормотал младший лейтенант, наблюдая, как мужики в окровавленных передниках перетаскивают через траншею последнюю плащ-палатку с мертвым баянистом Рылеевым. — Помните, товарищ старший лейтенант, что под Магнушевым творилось? Неделю тела не увозили — и наших там лежало вдоволь, и фрицев. Местность простреливалась с двух сторон — дурных нема, как говорится. Потом немцев вытеснили, наши пришли. Мама дорогая!.. Жара страшная — мерт-

вещи безглазые, птицы все лица склевали, повсюду мухи, запах такой, что самому сдохнуть хочется... Наши ворон прогнали, так они расселись на ветках и смотрели, как их пищу собирают. Капитана перевернуть хотели, так у него нога отвалилась...

— Да тьфу на тебя! — рассердился замполит. — Поговорить больше не о чем, Максимов?

— Простите, товарищ старший лейтенант, — сконфузился взводный. — Накатывает иногда, представляешь, что и тебя вот так — волоком, да в подводу...

Наступали сумерки. Через час поле боя очистили, дышать стало легче. Остались бурые пятна — в траве, на листьях кустарника. На западе снова гроыхало. На низкой высоте прошло звено советских бомбардировщиков, и через пару минут посыпались гулкие разрывы. Советскую авиацию встречала глубоко эшелонированная система ПВО, в Варшаве и ее окрестностях сконцентрировалось более полутора сотен зенитных орудий. Солдаты наострили уши, слушали...

Ситуация вокруг польской столицы для обеих сторон складывалась патовая. В окрестностях города, разделенного Вислой на две неравные части, скопилось громадное количество живой силы и техники. Левобережный центр пылал — немцы еще не подавили восстание, поднятое Армией Крайовой, уничтожали разрозненные оча-

ги, попутно взрывая дома и ликвидируя мирное население. Все это безумие продолжалось больше месяца. Для советских войск ситуация со сложной скатывалась в критическую. 27 июля наступающие советские войска натолкнулись на оборонительный рубеж 2-й немецкой армии по линии Седльце — Бяла-Подляска. Бои протекали с переменным успехом, оборона держалась. Немецкое командование стянуло к Варшаве пять танковых дивизий, включая дивизии СС, — и нанесли контрудар, заставив 1 августа Красную армию перейти к обороне. 2-я гвардейская танковая армия подвергалась непрерывным атакам. Она уже подходила к варшавской Праге — восточному району города, — но из-за этих непрекращающихся атак была вынуждена отойти. Попытка взять с ходу правобережную часть провалилась. Дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия атаковали из района Праги. С севера наступала 4-я танковая дивизия, на востоке били в тыл дивизии «Викинг» и «Мертвая голова». И все же на отдельных участках фронта продолжалось наступление. 47-я армия 1-го Белорусского фронта весь август вела бои и кое-где пробилась к Висле. Практической пользы от этого не было, расширить плацдармы не удалось. В районе Прага армия нарвалась на укрепленные позиции и несколько раз пыталась их прорвать — после чего остановилась. Немцы собрали на правом берегу

больше тридцати тысяч солдат, еще не растерявших боевой дух. Ими командовал прожженный спец — генерал танковых войск Дитрих фон Заукен. Советские войска несли потери, подкрепления не было, отстали обозы с боеприпасами, продовольствием, ГСМ. Наступление заглохло. Но и у немцев не осталось сил, чтобы оттеснить советские войска от польской столицы. Передовая представляла странное зрелище. Случалось, что соседние улицы были заняты враждующими сторонами, при этом и те, и другие оказывались друг у друга в тылу. Красная армия перенесла активность на юг от Варшавы — билась за плацдармы у Пулавы и Варки. Еще в конце июля войска 1-го Украинского фронта форсировали Вислу в районе Сандомира — почти в 200 километрах к юго-востоку от Варшавы. Такую же переправу осуществили у Пулав, захватив тактические плацдармы. Воодушевленная успехами Красной армии, Вислу пыталась форсировать 1-я Польская армия, но потерпела неудачу. 1 августа через реку в районе Магнушева переправились передовые отряды гвардейской армии Чуйкова — и там закрепились. Варшаву обложили с трех сторон. Но враг был силен, яростно сопротивлялся. В конце июля начальником Генерального штаба сухопутных сил вермахта был назначен генерал-полковник Гудериан и сразу отдал приказ держать до последнего рубеж на реках Висла и Сан. «Ина-

че докатимся до Одера и Эльбы, а это катастрофа!» — решительно заявил он. Немцы сопротивлялись, бросались в контратаки, благодаря чему им удалось избежать окружения северо-восточнее Варшавы...

Усилилась стрельба на западе. Отбомбившиеся пикирующие бомбардировщики «ПЕ-2» возвращались на дальний аэродром. Их осталось всего четыре (пятый, похоже, сбили). В районе Вислы поднимались густые клубы дыма. Тридцатитысячная группировка отбивала атаки и наносила контрудары. Рота погибшего капитана Милютина продолжала держать пустырь. Из расположения батальона подошли два тяжелых танка — КВ-85 и ИС-1, стали гнездиться, раздавливая траншею, а бойцы посмеивались — мол, пришли два слона в посудную лавку...

В блиндаже Милютина запищала радиостанция, через минуту оттуда выскочил радист, стал семафорить замполиту Стадникову, принявшему командование ротой. Замполит побежал в блиндаж, придерживая стучащий по бедру планшет. Он вернулся через пару минут, сообщил взводным новость: противник в районе парка Воцаны силами артиллерийской батареи и двух танковых рот пытается выдвинуться на восток, чтобы занять улицу Крачковскую, важную артерию в районе. Его слова подтверждали не столь отдаленные разрывы, уханье танковых орудий и

черная дымовая туча, ползущая над крышами. От Звановичей до места прорыва — не больше полутора километров. Танки, насилу угнездившись, стали выбираться обратно, доламывая бревенчатый накат, выезжали в поле. Приказ сверху — наладить эффективную круговую оборону вверенного участка, но только силами пехотных подразделений, и при этом выделить два взвода на усиление улицы Выжутинской, выходящей на Крачковскую! Приказы противоречили один другому, но что поделаешь — война. Заполит чертыхался, бегал по окопам, пересчитывая людей. Маловато осталось, чтобы за Родину, да еще и за Сталина! Какого хрена эти немцы не могут успокоиться? Тридцать бойцов под командой младшего лейтенанта Максимова отправились колонной к городским предместьям. Прорыв был крайне нежелателен, он мог расчлениить и без того слабую группировку. На «латание заплат» выступили и другие части, били прямой наводкой полевые орудия, разнося малоэтажные здания и ликвидируя дороги. Через час в районе улиц Выжутинской и Крачковской шел уже полноценный бой с применением всех видов вооружений, кроме авиации.

На параллельной улице Скольня боевые действия не велись, но вся дорога, обставленная домами, затянулась дымом. Скольню контролировала Красная армия. Боеспособные подраз-

деления ушли дворами, остались лишь посты и дозоры. С востока возникла небольшая колонна: зачехленная брезентом полупторка «ГАЗ-АА» и легкий бронетранспортер, облепленный пехотинцами в комбинезонах. На соседней улице все взрывалось, рушилось, а здесь было спокойно, если не замечать плотную дымовую завесу и дрожь земли. Машины объезжали обломки взорванных зданий, вывернутые с корнями деревья. Глухой взрыв в стороне — обвалилась часть стены, кирпичи высыпались на дорогу, и полупторка притормозила, стала сдавать назад. Броневи́к объехал машину, стал прокладывать дорогу в клубах дыма. Из развалин выбежал красноармеец с повязкой на рукаве, взмахнул рукой, требуя остановиться. Обрисовались несколько касок, стволы ППШ, нацеленные на колонну. Бронетранспортер послушно остановился, за ним и полупторка. С брони прыгнул лейтенант в комбинезоне, извлек сложенные бумаги, сунул патрульному. Сержант их бегло просмотрел, кивнул. Проверять содержимое полупторки постовые не стали.

— Дальше опасно, товарищ лейтенант... — Сержант втянул голову в плечи, когда просвистела мина и взорвалась в соседнем дворе с оглушительным треском. — Проедете два квартала, там еще наши, дальше будет школа... вернее, то, что от нее осталось, а за школой уже фрицы, у них там баррикада из трамваев и всякого мусора,

хрен пройдешь... Зенитку выставили на прямую наводку, лупят по нашим...

— Мы знаем, сержант, спасибо, нас там ждут. — Лейтенант сложил бумаги, сунул в недра комбинезона и побежал к броневнику. Его втащили наверх.

Колонна продолжала движение, максимально снизив скорость. Это был не самый респектабельный городской район. Мелкие предприятия, мастерские, бесхитростные дома для представителей рабочего класса. Здания в два-три этажа, многие разрушены, валялись вповалку деревья, столбы электропередачи, разодранные оконные и дверные переплеты. Из завалов торчали человеческие конечности. Не всегда удавалось убирать мертвых. В основном это делали местные жители — родственники, соседи погибших. Люди прятались по подвалам, по редким бомбоубежищам. Самые предусмотрительные заранее покинули город, рассеялись по окрестным лесам и поселкам. Уберечь братьев-славян от обстрелов и бомбежек удавалось не всегда. Впереди надрылся пулемет. Кто и по кому стрелял, непонятно. Впрочем, в данном ареале пока все было мирно. Колонна объезжала горы мусора, обломки мебели. Показалась вытянутая двухэтажная школа, в нескольких местах разбитая снарядами. В стенах зияли проломы, валялись парты, расколовшийся пополам глобус. Вдоль обочин проха-

живались советские автоматчики — видимо, бывалые люди, уже не гнулись под минами и снарядами. Колонну ждали — на дорогу выбежал крепко сбитый офицер, укутанный в плащ-палатку, начал показывать знаками, что надо свернуть в переулок. Бронетранспортер с бойцами полковой разведки остался на дороге — лейтенант и его подчиненные задачу сопровождения выполнили. Полуторка въехала в переулок, протиснулась между покореженными стенами и через пару минут оказалась во дворе у скромного на вид костела. Водитель остался в кабине, пассажир спрыгнул на землю. Жилистый сухопарый мужчина лет тридцати пяти, с коротким «ежиком», он носил штатское (как, впрочем, и остальные члены группы) — брюки из грубой материи, сапоги, затертый пиджак, кепка со сдвинутым на лоб козырьком. За спиной болтался вещмешок и немецкий пистолет-пулемет «MP-40», повернутый стволом вниз.

— Здравия желаю! — протянул руку мужчина. — Капитан Ломакин, Алексей Борисович, зафронтовая разведка. Выполняем задание полковника Бурмистрова, разведотдел 47-й армии.

— Здравствуйте, капитан, — пожал руку встречающий офицер. — Майор Проничев, мы в курсе, ждем вас. У вас две группы?

— Так точно, товарищ майор, четверо с капитаном Каляжным, четверо со мной. В группах